

В.Н. Добжанский*Кемеровский государственный университет**ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия**E-mail: kafoi@history.kemsu.ru*

«КИРГИЗСКИЙ РУБЕЖ» И ПОРУБЕЖНЫЕ ВОЛОСТИ ТОМСКОГО УЕЗДА В XVII ВЕКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ*

В статье рассматриваются имеющиеся в литературе точки зрения на историко-географические термины «киргизский рубеж» и «порубежные волости», которые неоднократно встречаются в русских документах XVII в., относящихся к истории Томска. Длительное время общепринятой была точка зрения В.С. Синяева. Однако после публикации А.Х. Элртом историко-географических описаний Томского и Кузнецкого уездов Г.Ф. Миллера стало очевидно, что этот вопрос требует пересмотра. Установление истинного значения «киргизского рубежа» и его локализации возможно только при глубоком и тщательном анализе актового материала.

Ключевые слова: «киргизский рубеж», порубежные волости, ясачные волости Томского уезда, Томский уезд.

Постановка проблемы

В русских документах XVII в., относящихся к истории Томска, неоднократно встречаются историко-географические термины «киргизский рубеж» и «порубежные волости». Одно из наиболее ранних упоминаний «киргизского рубежа» содержится в отписке томского воеводы князя И.Ф. Шаховского, датированной декабрем 1620 г. Воевода сообщает, что возвращающиеся из Москвы монгольские и киргизские послы «Тархан-лоба с товарищи» 5 октября «129 году» приехали в Томск, откуда они были отпущены «в их земли» в сопровождении 20 конных казаков во главе с десятником А. Губой «до киргисково рубежа... октября в 8 день» [Русско-монгольские отношения..., 1959, № 53, с. 108–109]. Каким виделся этот рубеж в конце XVII в., передал на «Чертеже земли Томского города» С.У. Ремезов, однако и он не совсем точно отразил сложившиеся к тому вре-

мени реалии [1882, л.11]. Еще меньше мы знаем о «киргизском рубеже» в середине и начале столетия. Возможно, его изображения появились уже на первых чертежах Томского уезда, которые, к сожалению, до нас не дошли.

В пределах «киргизского рубежа» находились и порубежные волости. В той же отписке И.Ф. Шаховского говорится: «И Ондрюшка Губа с товарищи, приехав, государь, в Томской город октября в 22 день, нам, холопом твоим, сказали, что де они Алтына-царя и Мугальские земли и киргиских послов Тархан-лобу с товарищи до киргисково рубежа проводили здорово. Да нам же, холопом твоим, Ондрюшка Губа с товарищи сказали, что де, государь, приказывал к нам, холопом твоим, киргисково рубежа князек Курчейко по своей шерти...» [Русско-монгольские отношения..., 1959, № 53, с. 109]. Таким образом, рассмотрение вопроса о локализации «киргизского рубежа» и порубежных волостей в отрыве друг от друга невозможно. Точная локализация последних поможет уточнить юго-восточную границу Томского уезда с «Киргизской землицей»,

*Локализация «киргизского рубежа» и порубежных волостей будет рассмотрена нами отдельно.

а выявление основных координат «киргизского рубежа» – территориальные границы порубежных волостей. В литературе существует мнение, что этот рубеж на протяжении всего XVII в. почти не претерпел изменений. Лишь в середине столетия в его конфигурации произошли незначительные перемены. Линия рубежа немного сдвинулась с юга на север, что привело и к изменениям территории ясачных волостей, в т.ч. и «порубежных» [Резун, 1984, с. 27–28]. Насколько обоснованно это мнение и соответствовало ли реалиям того времени?

Историография

З.Я. Бояршинова, отмечая сложность установления границ Томского уезда в первой половине XVII в., в связи с русской колонизацией Сибири и разграничением «сфер влияния между русскими колонизационными центрами – городами и острогами», указывает также, что в это время «не были постоянными и территории ясачных волостей, входивших в состав уезда». Очерчивая приблизительные границы уезда, она далее пишет: «Южная граница была еще более неопределенной. Здесь находились “порубежные” волости, бывшие постоянно в сфере влияния киргизских княжеств. Киргизские князьки считали жителей порубежных волостей своими “кыштымами”. Эти “порубежные” волости на протяжении всего XVII века являлись объектом напряженной борьбы между томскими воеводами и киргизскими князьками, борьбы за право эксплуатации местного населения, за право сбора ясака. В Томский город жители порубежных волостей вносили неокладной ясак» [Бояршинова, 1950, с. 31–32]. Автор даже приблизительно не очерчивает южную границу уезда, но отмечает: «...на южном рубеже Томского уезда, в так называемых “неокладных волостях”, имелись небольшие группы шустов и камларов» [Там же, с. 40]. Из этого следует, что к порубежным З.Я. Бояршинова относил Шуйскую и Камларскую волости. Однако представления не только о местонахождении порубежных ясачных волостей, но и их количестве в ее работе все же не очень определены. Ниже автор отмечает, что упоминания в ясачных книгах о поступлении пушнины из порубежных волостей появляются главным образом с 30-х гг. XVII в., и приводит следующие записи: «И в нынешнем же 140 году собрано мягкой рухляди с новых волостей... Шушской волости... з горной с Чоинской волости...» (1632 г.); в 1637 г. «приисканы в порубежной в Соксунской волости два человека...» [Там же, с. 102].

З.Я. Бояршинова не делает никаких попыток установить хотя бы приблизительно местонахождение указанных волостей. И дело не в том, что данная

проблема не входит в круг ее задач. Ученая убеждена, что «население порубежных волостей было непостоянным; туземные жители порубежного района то прикочевывали на территорию Томского уезда и здесь должны были выплачивать ясак в государеву казну, то уходили на киргизскую территорию и становились там “кыштымами” киргизских князьков» [Там же].

Попытку локализовать ясачные волости Томского уезда предпринял А.П. Дульзон. Его, как лингвиста, интересовали в первую очередь вопросы происхождения и классификации языка чулымских татар, и специально вопроса о «киргизском рубеже» и «порубежных волостях» он не рассматривал. Однако для характеристики чулымского языка и его локальных особенностей автору потребовалось составить карту ясачных волостей Причулымья. На основе имевшихся в то время опубликованных письменных документов А.П. Дульзон по среднему Чулыму и его притокам Яе, Чети и Кие указал Ячинскую, Корюковскую, Курчикову, Мелетскую и Туталову, а по верхнему течению Чулыма Ачинскую, Басагарскую, Камларскую, Шуйскую и Кызыльскую волости [1952, с. 83–85]. При этом под верхним Чулымом им понималась часть реки от устья Урюпа до слияния Белого и Черного Июсов. Такие порубежные волости, как Курчикова и Корюковская, отмечены на карте в бассейне р. Ки, Камларская – в южной части Аргинской луки, а Шуйская – в бассейне р. Урюп и Белого озера.

Уточнить южную границу Томского уезда в XVII в. попытался томский исследователь В.С. Синяев. В основу своих построений он положил «актовый материал», который «позволяет значительно уточнить не только границу XVII века с южносибирскими кочевниками, но и сравнительно верно нанести на карту почти все волости лесных тюркоязычных групп населения, улусы кочевников и отдельные русские и туземные поселения» [Синяев, 1956, с. 82]. Правда, в силу объективных обстоятельств весь «актовый материал» ограничился несколькими документами, известными автору на тот момент. Это воеводские отписки, опубликованные в приложении к «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, в «Дополнениях к Актам историческим» и «Памятниках сибирской истории».

В.С. Синяев вычерчивает две линии «рубежа» – на середину и конец XVII в. Они немного отличаются друг от друга. Поскольку в распоряжении исследователя был единственный ориентир, относящийся к самому концу XVII в., – «Чертеж земли Томского города» из атласа С.У. Ремезова [1882, л.11], – то он и был взят за основу. Согласно «Чертежу», «рубеж» начинался примерно от устья Сисима, правого притока Енисея, затем пересекал Чулым в районе впадения Большого и Малого Сыров, продолжался до Белого озера, где поворачивал на юг в сторону Малого и

Большого Божьих озер, проходил между ними, далее шел к северо-западу и пересекал р. Кию в месте впадения в нее Б. Кожуха [Синяев, 1956, с. 80–82].

В середине столетия «рубеж» начинался также от устья Сисима. На полпути между Чулымом и р. Серж, не доходя до Белого озера, он поворачивал на юго-запад. В районе слияния Черного и Белого Июсов, на правом берегу последнего, В.С. Синяев, руководствуясь «Картой Сибири первой половины XVII в.», составленной К.Н. Сербиной по материалам второго тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера [Там же, с. 80; Сербина, 2000], поместил Ачинский острог 1641 г. В связи с этим на данном участке «рубежа» автор был вынужден сделать выступ, направленный острием на юг, обогнув который граница шла дальше строго на север в сторону Белого озера, где вновь поворачивала на запад, пересекая р. Кию в районе устья Кожуха. Как утверждает В.С. Синяев, «киргизский рубеж» в этом виде наметился уже в первом десятилетии XVII в. и в дальнейшем происходили лишь частичные изменения, связанные со строительством Каштацкого острога, уничтожением старого Ачинского острога и другими событиями [1956, с. 87].

Относительно «порубежных волостей» автор пишет, что они находились «севернее Божьего озера вдоль “рубежа”» [Там же, с. 82]. Ниже он уточняет, кто относился к этим волостям: камлары, шусты и кызыльцы, жившие соответственно к северу, западу и востоку от Белого озера [Там же, с. 83–85].

В 1955 г. увидела свет большая статья С.В. Бахрушина «Енисейские киргизы в XVII в.». В ней термина «киргизский рубеж» нет. Однако автор подробно характеризует понятие «Киргизская земля», очерчивая основные ее территории [Бахрушин, 1955а, с. 176–177], что позволяет при наличии других материалов наметить примерные контуры этого «рубежа». Кроме того, С.В. Бахрушин большое внимание уделил взаимоотношениям енисейских киргизов с русскими. Он подробно описал несколько походов казаков в «Киргизскую землю», в т.ч. и под руководством Я.Е. Тухачевского в 1641 г. Как отмечает С.В. Бахрушин, воеводе «удалось выполнить свою основную задачу – поставить на Чулыме Ачинский острог», ставший «на границе Киргизских степей» новым оборонительным форпостом «для дальнейшего продвижения на юг» [Там же, с. 205]. Однако что исследователь понимал под «границей Киргизских степей», не ясно. По всей видимости, в вопросе о местонахождении Ачинского острога С.В. Бахрушин, как и В.С. Синяев, опирался на карту К.Н. Сербиной. В таком случае южную границу «Киргизских степей» он помещал в районе слияния Белого и Черного Июсов.

Для характеристики «киргизского рубежа» важен еще один момент в работе С.В. Бахрушина. Следствием похода против киргизов, состоявшегося в

1680 г. под руководством томских детей боярских Р.И. Старкова и И.М. Гречанинова, явилось установление границы между русскими и киргизскими владениями, каковой была признана р. Июс. Исследователь приводит фрагмент неопубликованного договора, заключенного между русскими властями и киргизскими князьями, из Сибирского фонда РГАДА: «...а русским де было людем в их землю за Июс войною не ходить, и им де под государевы города и остроги также за Июс не ходить» [Там же, с. 219]. Какая именно река имелась в виду, С.В. Бахрушин не пояснил, полагая, видимо, что в документе речь идет о Белом и Черном Июсах. По крайней мере, в «Указателе географических и этнографических названий» данного тома трудов историка гидронима Июс нет, но есть «Июсы (Белый, Черный)» [Бахрушин, 1955б, с. 290]. В таком случае «Киргизский рубеж» в понимании С.В. Бахрушина мало чем отличается от схемы В.С. Синяева. В то же время из контекста другой его работы вытекает иное представление о границе с киргизскими владениями: «Незначительное развитие горных промыслов в Красноярском уезде... объясняется также и тем, что богатые залежами металла районы – железные руды в бассейне Тубы и на верхнем течении Абакана, золотые россыпи на Июсах и по рекам Сисиму, Тубе, Амылу и Кызыру, сделавшиеся впоследствии известными, в XVII в. были в руках киргизов и недоступны для русского капитала. Об условиях, при которых началась разработка руды на границах с Киргизской землей, дают представление первые опыты Леванданиса на Каштаке» [Бахрушин, 1959, с. 119].

В работе Л.П. Потапова о результатах похода 1680 г. было сказано: «Здесь на Июсе шел разговор и о территориальной границе между русскими владениями и кочевьями киргизов. Этой границей были признаны реки Белый и Черный Июсы: “по сю сторону Июсов”, т.е. по северную, прилегающую к Томску, была русская земля, а по другую “Киргизские кочевья”» [1957, с. 50]. По мнению автора, «во 2-й половине XVII в. границы кочевий енисейских киргизов сместились на юг и как будто бы расширились за счет южного направления. Краем Киргизской земли теперь на севере считался район Белого озера. А южным краем Киргизской земли теперь считались, как это следует из отписки Красноярского воеводы 1655 г., территории по Абакану и Енисею – “по сю сторону (т.е. северную. – Л.П.) Саянского камня”» [Там же, с. 16].

Относительно первой половины XVII столетия Л.П. Потапов писал: «...кочевья киргизов были разбросаны по обширной территории бассейна верхнего течения Чулыма и рек Белого и Черного Июсов, которые при слиянии образуют Чулым. Эта территория захватывала течение Урюпа (левый приток Чулыма), районы, прилегающие к Божьему и Белому озерам, и

на севере достигала Ачинска. <...> Вследствие того, что князец Кийской волости Курчейко в документах этого времени именуется “киргизского рубежа князец Курчейко”, можно утверждать, что западной границей Киргизской земли считалась р. Кия (левый приток Чулыма). На востоке граница подходила близко к р. Енисей» [Там же, с. 15].

Основное внимание в своей работе Л.П. Потапов уделит уточнению местоположения чулымских волостей. Он впервые отметил, что в одном документе начала 40-х гг. XVII в. «Кызыльская... волость стоит посреди киргизской земли на реке Июсе», а в другом – «сидит по Июсе по Белому у Каменного городка в двух днищах...». Кроме того, Л.П. Потапов указал еще один документ из Сибирского фонда РГАДА, где говорится, что в «Кызыльской земле протекала речка Еник, которая находилась неподалеку от Красноярска (“в двух днищах”))». Вслед за И.Е. Фишером он отождествил Еник с р. Индзул (Инчул или Изындчул), впадающей в р. Сereж. Никак не комментируя указания документов, автор далее пишет: «...на карте Ремезова Кызыльская волость значится на правом берегу Чулыма в районе впадения рек Большого и Малого Сыров». Относительно Басагарской волости Л.П. Потапов также привел указания документов, согласно которым в начале XVII столетия басагарцы жили «“в Чулымских вершинах” вместе с кызыльцами, что дает основание считать басагарцев обитающими в течении Белого Июса». В документе 1659 г. говорится, что «Басагарская волость расположена по Чулыму близ речки Кангалы», а на карте Ремезова она «показана на левобережье Урюпа, близ впадения его в Чулым». Об Ачинской волости Л.П. Потапов пишет: «...она также относилась к волостям, проживающим в верхнем течении Чулыма, “впереди киргизские земли... на Белом Июсе и на Сызырине озере”»; «у Ремезова Ачинская волость обозначена на правом берегу Сereжа, а Мессершмидт в 1721 г. отметил население этой волости по р. Тай» [Там же, с. 146–147]. Анализ всего вышеизложенного позволяет сделать вывод, что Л.П. Потапов поддерживал точку зрения З.Я. Бояршиновой, согласно которой территории указанных ясачных волостей не были постоянными на протяжении XVII столетия.

Б.О. Долгих в целом принял предложенную З.Я. Бояршиновой локализацию ясачных волостей Томского уезда. Он внес лишь некоторые уточнения, руководствуясь указаниями «атласа С.У. Ремезова и сведениями о расселении потомков членов томских волостей XVII в. в конце XIX в., взятыми у С.К. Патканова». Как считал Б.О. Долгих, «в целом... удалось установить местоположение всех волостей Томского уезда за одним исключением. А именно, у нас не оказалось достаточного материала для установления территории всех в отдельности горных по-

рубежных волостей, и нам пришлось все эти шесть волостей показать одним контуром. Более или менее определенные указания мы имеем лишь о местоположении Шушской (Шуйской) волости, находившейся в верховьях р. Кии по речкам Тисульке и Каштаку (Кайчаку). Известно, что Каштацкий острог был построен на земле шушцев. Население Кымныйской волости кочевало на р. Большой Китат. Надо также заметить, что бассейн верховьев Кии, если на нем не показать горные порубежные волости, остается пустым. Исходя из этого соображения, а также учитывая данные о кочевках шушцев, о расселении соседних волостей Томского и Кузнецкого уездов и о расселении других народов (сагайцев, киргизов), мы и определили территорию горных порубежных волостей» [Долгих, 1960, с. 100] (см. также: [Долгих, 1968]). Вопрос о «киргизском рубеже» в работе не рассматривался, однако автор сделал оговорку: «...в ряде случаев мы не смогли избежать схематизма в определении территории отдельных волостей Томского уезда, особенно в верховьях Чулыма на рубеже с киргизами. В 1661 и 1681 гг. жители горных порубежных волостей (Шушской, Камларской, Чоинской, Тастарской) убежали от киргизов на р. Томь, в частности, в Тюлюберскую волость» [Долгих, 1960, с. 100]. Надо полагать, что под «киргизским рубежом» Б.О. Долгих понимал все верхнее течение современного Чулыма. К горным порубежным волостям Томского уезда он относил, кроме указанных, еще Горную волость, но без попытки ее локализации [Там же, табл. 33]. Все порубежные волости, по мнению автора, вошли в состав Томского уезда только в 60-х гг. XVII в. [Там же, с. 97, 99].

Итоговой работой по данному вопросу стала книга Д.Я. Резуна. Его вывод был категоричен: «В течение долгого времени основным пороком методики определения местонахождения ясачных волостей и рубежей Русского государства была мысль о том, что этот рубеж постепенно продвигался на юг и, чем ближе к концу XVII в., тем якобы дальше уходил на территорию Хакасии. В трудах Потапова и Бахрушина эта мысль была поколеблена*, и полный ее пересмотр был проделан в статье В.С. Синяева о южных границах Томского уезда в XVII в. Согласно его схеме, русские пределы в первой половине XVII в. доходили до слияния Черного и Белого Июсов и даже чуть дальше, где и находился с 1641 г. Ачинский острог, а в конце XVII в. “киргизский рубеж” проходил уже по Божьему озеру. <...> Такой подход и нам представляется правильным, хотелось лишь добавить, что к концу XVII в. территории ясачных

*Ни С.В. Бахрушин, ни Л.П. Потапов ничего подобного не утверждали. Наоборот, вывод ученых однозначен: киргизы были вынуждены, хотя и очень медленно, сдвигать свои кочевья к югу, к р. Абакан.

волостей могли не только сдвинуться на север, но и поменяться между собой» [Резун, 1984, с. 27].

Отталкиваясь от указания Г.Ф. Миллера, что Я.О. Тухачевский поставил острог вблизи оз. Сызырим, Д.Я. Резун локализовал Ачинский острог 1641 г. «на р. Белый Июс, недалеко от современного оз. Билё, но в непосредственной близости от оз. Сызырим» [Там же, с. 33]. Неясно было только, с каким из современных озер Хакасии автор отождествляет загадочное оз. Сызырим. Однако вскоре он меняет свою точку зрения и пишет, что «как постоянное русское поселение Ачинский острог возник в 1641 г. в результате похода тарского воеводы Я.О. Тухачевского возле озера Сизирим или же Сызырим-куль недалеко от р. Чулым, напротив нынешнего села Дорохова, в 5 верстах выше западного притока Чулыма р. Ададым» [Резун, Васильевский, 1989, с. 90]. Для большей ясности укажем, что это примерно в 30 км к западу от современного г. Назарова Красноярского края и примерно в 150 км к северу от слияния Белого и Черного Июсов. Исследователь не поясняет, почему он поменял свою точку зрения*.

В связи с темой нашей работы следует немного остановиться на уже упоминавшейся выше историко-географической карте Сибири, составленной К.Н. Сербиной [2000], поскольку она оказала определенное влияние на формирование взглядов исследователей относительно «киргизского рубежа» и «порубежных волостей», хотя прямо на нее почти никто не ссылается. Доверять этой карте надо осторожно. На ней достаточно много ошибок, которые нельзя объяснить только тем, что К.Н. Сербина не была специалистом по истории Сибири. Так, Ачинский острог 1641 г. на карте локализован на правом берегу Белого Июса в месте его слияния с Черным Июсом, что неверно. Правда, в данном случае в определенной мере повинен и сам Г.Ф. Миллер, который, говоря о строительстве Ачинского острога, не отметил ни одного географического ориентира для его локализации [Миллер, 2000, с. 98]. Абинская волость, расположенная на р. Аба, на карте показана в бассейне р. Абакан. Неверно локализованы и некоторые чулымские волости. Река Кия вообще отсутствует на карте, а Корюковская волость помещена в степной части Чулыма. Подобные примеры можно продолжить.

Заключение

Из представленного обзора видно, что у исследователей нет единого мнения ни о локализации «киргизско-

*Вероятно, это было связано с публикацией в 1988 г. «Историко-географического описания Томского уезда Г.Ф. Миллера» [Элерт, 1988, с. 75].

го рубежа», ни о количестве и местонахождении «порубежных волостей». В свете вышеизложенного этот вопрос требует пересмотра. Локализация «киргизского рубежа» и «порубежных волостей» должна основываться не на вырванных из контекста отдельных цитатах, а на скрупулезном анализе имеющихся в нашем распоряжении документов в сочетании с историко-географическими и этнополитическими реалиями XVII – начала XVIII в.

Прежде всего, решение данного вопроса невозможно вне контекста представлений служилых людей о территориальных пределах киргизских кочевий на протяжении всего XVII в. При чтении достаточно скупых строк воеводских отписок, статейных списков, «распросов» и челобитных служилых людей, бывавших в «Киргизской земле», постепенно вырисовываются и история русско-киргизских отношений этого времени, и расширение пространственного представления о самой «землице». Принимая во внимание литературу [Абдыкалыков, 1968, с. 6–10; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 9–28; Кызласов, Копкоев, 1993, с. 135–145; Потапов, 1957, с. 11–69; Бахрушин, 1955а, с. 176–180], в которой освещен вопрос о территории обитания енисейских кыргызов в XVII в., следует все же отметить один ее существенный недостаток. Авторы этих работ дают статичную картину киргизских кочевий, игнорируя территориальные изменения на протяжении всего столетия и их причины. Между тем анализ имеющихся документов в хронологической последовательности показывает, как постепенно формировались представления служилых людей о территории кочевания киргизов, и выявляет сначала почти незаметную, но к концу XVII в. все более явно проявляющуюся тенденцию к отходу последних на юг, к Абакану.

Список литературы

- Абдыкалыков А.** Енисейские киргизы в XVII в.: (исторический очерк). – Фрунзе: Илим, 1968. – 138 с.
- Бахрушин С.В.** Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955а. – Т. 3, ч. 2. – С.176–224.
- Бахрушин С.В.** Указатель географических и этнографических названий // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955б. – Т. 3, ч. 2. – С. 287–297.
- Бахрушин С.В.** Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 4. – С. 7–192.
- Бояршинова З.Я.** Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Том. гос. ун-та. – 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
- Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.** Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. – Абакан: Хакас. гос. ун-т, 1995. – 257 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Долгих Б.О. Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. // История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Карта-вкладыш.

Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Учен. зап. ТГПИ. – 1952. – Т. 9. – С. 76–211.

Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – С. 135–195.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – Т. 2. – 796 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1957. – 307 с.

Резун Д.Я. Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв.: (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – 196 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. – СПб.: Археогр. комиссия, 1882. – 58 с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. докл. / сост. Л.М. Гагаулина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 352 с.

Сербина К.Н. Карта Сибири первой половины XVII в. // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – Т. 2. – Карта-вкладыш.

Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Тр. Том. обл. краев. музея. – 1956. – Т. 5. – С. 79–88.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 65–101.

Материал поступил в редколлегию 09.11.09 г.